

Человек Пути

Владимир Воробьев - один из немногих людей в моей жизни, которые в нужное время выбивали меня из колеи, когда однообразие существования превращалось в бессмысленность и казалось безвылазным. Такое состояние знает каждый творческий человек, то есть идущий, человек Пути. Фотографии Воробьева меня очаровали сразу (не от слова “чары”, а от слова “очи”: очам даровали), открыв мир, причём мой, в котором я рядом с ним существую, но которого я не замечала. Его глаз-объектив (“третий глаз?”), скользя взглядом по моим улицам, дворикам, по моим встречным прохожим, по собакам, перебегающим дорогу, кошкам,

задремавшим на подоконниках, неожиданно останавливался и запечатлевал на плёнке мгновения нашей общей жизни. Какие-то “его” мгновения совпадали с моими, и я ликовала. Какие-то были неожиданностью, и я спрашивала.

Каждый человек обладает этим свойством зрения. Каждый - потенциальный фотограф.

Только на спуск нажимает в разное время и на разном: кто-то на красивом, кто-то на безобразном, на сентиментальном, “прикольном”, заказном и т.п.

Вновь спустя десятилетия перелистываю фотографии Владимира 80-х годов (время нашего знакомства: первый вал - девятый вал! - его неутомимого взгляда) и, покрываясь мурашками, понимаю: да он просто любит их... нас! Вспоминаю, что меня больше всего поразило в нём с самого начала. “Поэтка”, человек эмоциональный и развивающийся через конфликт (влипание - отторжение), я вдруг обнаруживаю, что в беседах с Владимиром о ком-то (или о чём-то) он не принимает ни моей, ни противоположной точки зрения. По-доброму насмешливо начинает встряхивать меня неожиданными вопросами, не давая на них никакого ответа. Сейчас, в его фотографиях, собранных за несколько десятилетий, я это вижу: они ни социально-окрашены, ни острополитичны, ни изысканно-философичны, ни витиевато-концептуальны. Ни один “-изм” не лепится к характеристике его взгляда. Единственное, что характерно для фотографий этого периода, - очень мягкая, благодушная ирония. Не издёвка, вызывающая злорадство, не насмешка, вызывающая хохот, а именно ирония (как котёнок - лапкой - мягонько так - по непознанному ещё предмету: бояться или ловить?), и именно благодушное (это было бы смешно, если бы не было так грустно).

Пролистывая блоки его бытийных фотографий, я непроизвольно улыбаюсь, а на глазах вырываются слёзы. Нет, они не прольются: жанр Владимира - не трагедия и не сентиментальная проза. Слёзы просто перекрывают взгляд, оставляя тебя один на один с увиденным чуть дольше, чем надо для просмотра, и вернутся назад - вглубь - в глубь твоей души, оставив след.

Хочется сказать о глазах Владимира, которые тоже поразили меня сразу при знакомстве. Они не улыбались никогда! Даже если он смеялся, его льдыно-серо-голубые глаза (холодное небо октября над поседевшим золотом первых заморозков) смотрели на

тебя мудро-печально, как будто здесь и сейчас видели всё: что тебе предстоит пройти и сколько пройти по этой неизменно-меняющейся земле. Я сразу почувствовала и обрела в нём Учителя. Поэтому с самыми сложными жизненными проблемами и духовными неразберихами шла к нему. Побеседовать, рассказать о своей проблеме и час-два пить чаёк, рассматривать его новые работы, слушать его музыку, смотреть его фильмы и... не услышать ни слова ответа на мой вопрос! Но, выйдя на улицу, возвращаясь домой (только пешком!), уже знать, что внутри всё утряслось и изменилось.

Сейчас то же самое происходит, когда я рассматриваю его фотографии. Они так же мудры, как его взгляд, так же уютно-теплы (хочется ещё немножко побыть), как его дом, так же выверенно-классичны, как его любимая музыка, в них та же ирония, с которой он обычно говорил о своих болячках, когда спрашивали о здоровье.

С 90-х годов Владимир Воробьёв перестаёт снимать людей. Его новым объектом познания любви стала природа. Наша природа, с нашими следами на теле - первый этап. В этих снимках ещё присутствуют люди, или их жилища, или дороги. И Владимира-фотографа не смущают эти следы, он по-прежнему не оценивает, а просто любит то, что снимает. Более того: любит с той же неулыбающейся нежностью во взгляде,

может быть, с затаённой болью, потому что любви без боли не бывает. Второй этап “ухода” - это природа без людей и их следов. Обнаружив такую бесповоротность Владимира, я спросила: “Почему?!” Вскользь, не давая возможности завести дискуссию, ответил: “Без меня хватает снимающих это”. Только сейчас понимаю, что значит “это”! Это - озлобленность, выискивание чужих “косяков”, высматривание назойливых абсурдов... огнедышащий подпалённый социум, злоба дня. Подобное привлекается к подобному. Владимир не имел внутри себя злобы и грязи, и его эта изменившаяся человеческая реальность не привлекла. Не захотел “это” познать и возлюбить. Тогда не поняла, попыталась “дипломатически” навязать своё восприятие, разглядывая новый цикл фотографий: “Но ведь это - смотри! - портрет дерева, а это - портрет поля, склона горы...” Он только усмехнулся (мне показалось - горько) и, разулыбавшись, предложил: “Давай я поставлю тебе музыку, а ты расскажешь, что ты в ней увидела”. Да, наверное, эта огромная книга его взгляда на мир - фотосимфония его жизни в нём, жизни, которую он принимал такой, какая есть, потому что любил её благодарной любовью. И взаимной. Я просто вижу, как каждый кадр, сделанный им, отвечает автору взаимностью.

Татьяна Николаева.